

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).02 ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.001

М. Б. Свердлов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия.
sverdlovmb@mail.ru

МИРСКИЕ РЕАЛИИ В ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

В статье проанализированы сведения о древнерусских мирских реалиях середины – второй половины XI в. в Житии Феодосия Печерского, которые ранее не привлекали внимания специалистов. Анализируется конкретное содержание перевода княжеского служилого человека из одного города в другой по воле князя, экономический, социальный и правовой статус этого человека и его вдовы. Изучены сведения Жития о южнорусских городах в их политическом, экономическом, религиозном, идеологическом и военно-стратегическом единстве, связи городского населения с земледельческим хозяйством. Отмечены сообщения об организации мелкого ремесленного производства, о символизме различий в одежде, о верховенстве светской власти над церковной, а также о значении оборонительных укреплений для утверждения монастыря как самостоятельного субъекта в государстве.

Ключевые слова: Древняя Русь, князь, княжеская власть, города, городское население, земледельческое хозяйство, символизм различий в одежде, оборонительные укрепления монастыря, Житие Феодосия Печерского

Накопленный с 1980-х гг. значительный научный опыт включил в изучение средневековой России историю ментальности, методы семиотики, исторической антропологии, методически особо выделенной семантики символов. Такое многообразие аналитических возможностей позволило расширить последовательное осуществление системного анализа исторического процесса от исследования экономического, социального, политического факторов, фактора культуры до включения в историческое изучение человека со свойственными ему реакциями на окружающую многообразную действительность материального и ментального содержания. Такой междисциплинарный исследовательский метод позволяет раскрыть причины, объективные и субъективные, определявшие поведение человека – участника исторических событий. При этом анализ деятельности индивида конкретизируется его социальным статусом, светским или духовным, отношениями межличностными, с конкретными социальными группами и с природой [Свердлов, 2020а].

Обращение к человеку в историческом процессе возвращает исследователя к реалиям, которые окружали этого человека и наполняли его жизнь многими смыслами. В отечественной научной литературе первым опытом изучения, объединившим анализ многочисленных письменных и археологических источников, стала «История культуры Древней Руси» [История культуры Древней Руси]. Б. А. Романов впервые исследовал «будничную жизнь»

на Руси XI–XIII вв. [Романов]. Но определяющее значение в отечественной историографии XX в. имели исследования социально-экономической и политической истории, истории культуры Руси VI–XIII вв. Новейшие методологические и методические основания позволяют продолжить изучение человека в историческом процессе, сохраняя накопленный опыт анализа ее истории. Р. Шартье обозначил новые возможности исторического исследования: «выявить коллективные детерминанты, не осознаваемые индивидами, которые тем не менее повелевают и управляют ментальными представлениями и социальным опытом» [Шартье, с. 42]. Такое направление научного анализа позволяло соединить традиционное изучение объективных факторов и антропологический анализ деятельности человека в их диалектической связи: объективные факторы влияют на индивида, индивид осуществляет объективные возможности этих факторов. Отсюда принципиальное название доклада Р. Шартье, возвращавшее историков к изучению объективных реалий исторической действительности: «Одна четверть свободы, три четверти детерминизма». Такой методологический принцип сохраняет системно-структурный анализ как основу исторического исследования. Его новые теоретические и практические начала позволяют выявить в памятниках древнерусской письменности сведения о тех мирских реалиях, которые расширяют информацию о человеке того времени в контексте его материальной и духовной жизни.

«Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго» было написано монахом Киево-Печерского монастыря Нестором (1050-е гг. (?) – начало XII в.). Феодосий умер в 1074 г. Время написания Жития датируется исследователями от 1080-х гг. до начала XII в. В их разысканиях выявлены сюжеты, заимствованные из памятников переводной агиографии, проанализированы некоторые реалии монастырской и мирской жизни [Творогов, с. 274–276; Житие Феодосия Печерского, с. 531–532; Артамонов]. Следует также учесть значительную степень достоверности сведений Нестора о жизни Феодосия с детских лет до начала его пребывания в Киево-Печерском монастыре. Его мать раскаялась в своих поступках по отношению к сыну. Она постриглась в монахини, а позднее поведала о своей семье и произошедших событиях Федору, келарю при Феодосии, а Федор – Нестору [Житие Феодосия Печерского, с. 368].

Б. А. Романов изучил житийное повествование об отношениях Феодосия с матерью и определил социальный статус этого праведника в молодости [Романов, с. 152–155]. Исследуя историю древнерусской повседневности, Е. Л. Конявская анализировала известия Жития Феодосия Печерского [Конявская, с. 104, 106, 107]. В многочисленных исследованиях упомянут конфликт князя Изяслава Ярославича с Киево-Печерским монастырем. Впрочем, многие из мирских реалий Жития не учтены и не изучены в качестве исторического источника.

Нестор написал, что Феодосий родился в городе Васильеве. Отсюда следует, что его отец служил в небольшом городе-крепости на реке Стугна. Этот город был построен по решению князя Владимира Святославича и назван его крестильным именем. Он входил в систему укреплений, которые на Днепровском Правобережье защищали Киев с юга от нападений кочевников. Уже в 996 г. произошли бои с печенегами под Васильевым [Раппопорт, с. 167]. Поэтому можно предположить, что отец Феодосия имел в Васильеве военные обязанности.

Как написано в Житии, родители Феодосия должны были переселиться в город Курск, «князю тако повелѣвшю» [Житие Феодосия Печерского, с. 354]. Для осуществления этого повеления семье праведника пришлось преодолеть расстояние, которое в научной литературе не конкретизировалось. Не учитывалось, что оно было значительным. В соответствии с современными методами подсчета расстояний между Васильевом и Курском по прямой

447 км, а по грунтовым дорогам – 540–550 км¹. Так что его преодоление для семьи с домашним имуществом представляло, вероятно, серьезные трудности.

Древнейшая история Курска, расположенного в бассейне реки Сейм, левого притока Десны, пока изучена плохо. На Днепровском Левобережье он защищал Киев и Чернигов от нападений кочевников с востока [Раппопорт, с. 167–168]. Вследствие особого политического и военного значения Курск стал в XII в. стольным городом курского князя². Вероятно, отец Феодосия продолжал исполнять в Курске военные функции.

Такой перевод отца Феодосия с семьей из Васильева в Курск на значительное расстояние раскрывает конкретное содержание управления князем своими служилыми людьми для обеспечения необходимых государственных военных и административных функций в XI в.

Как сообщается в Житии, когда глава семьи умер, Феодосию было 13 лет. Он стремился к христианскому подвижничеству, а не к мирскому образу жизни. Вдова управляла хозяйством, которое состояло из городской усадьбы – «дома», зависимых людей и «села»: Феодосий выходил из города Курска «съ рабы на село» [Житие Феодосия Печерского, с. 356].

Этот текст содержит сведения о древнерусской юридической и социально-экономической реальности, которая также не была проанализирована.

Распоряжение вдовой всем хозяйством свидетельствует о том, что она во второй половине XI в. имела юридическое право наследования покойному мужу. Немного позднее ст. 93 Пространной Правды Русской (далее – ППР) постановляла: то, что муж завещал жене, тому она «госпожа»³. По нашему мнению, ППР была издана в киевское княжение Владимира Мономаха (1113–1125) или его сына Мстислава (1125–1132). Она обобщила предшествующие юридическую практику и княжеское законодательство, включая так называемый Устав Владимира Мономаха [Свердлов, 2017, с. 423–480]. Так что, вероятно, отец Феодосия завещал жене все свое хозяйство, следуя древней юридической практике, до издания ППР, тем более что Феодосий был далек от мирских забот.

Как отмечено ранее, социально-экономической реальностью является сообщение о том, что Феодосий выходил из города Курска «съ рабы на село».

Крупные и малые города были тесно связаны с сельской округой не только торговым обменом, городским ремеслом и сельскими продуктами, но также обладанием богатыми горожанами пригородных сел в виде пахотных земель и поселений. Земельными участками владели и простые горожане, судя по археологическим находкам сельскохозяйственных орудий в древнерусских городах. В городах Новгородской земли IX–XI вв.: Старой Ладого, Новгороде, Пскове – найдены железные сошники симметричной формы в виде равнобедренного треугольника. Они использовались в одноколых сохах без полицы при подсечной и залежной системах земледелия как «чиркающее» орудие при пахоте на вновь осваиваемых землях. Этот тип сохи развился в классический тип сохи на северо-западе и севере русских земель, а также в Прибалтике до XX в. В XI–XIII вв. пахали также сохами с сошниками, которым свойственен асимметричный скос сторон. Они применялись в двуколых сохах для более углубленной вспашки старопахотной земли и частичного ее отвала. В Старой Ладого, Новгороде, Пскове найдены остатки борон-суковаток и мотыги. Во время археологических исследований в этих городах обнаружены орудия уборки урожая и сенокосения – серпы, косы, орудия обработки зерновых

¹ Здесь и далее расстояния между древнерусскими городами, существующими и в наши дни, установлены в соответствии с компьютерной программой ведущим библиотекарем Отдела картографии РНБ А. М. Шохинным.
² В конце этого столетия «Слово о полку Игореве» прославило его воинов как отважных, прекрасно вооруженных и многоопытных (Слово о полку Игореве / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 254, 256).

³ Здесь и далее древнерусский текст ППР и его перевод см.: [Свердлов М. Б.] Пространная Правда Русская // Ярославский список Правды Русской. Законодательство Ярослава Мудрого / Сост. Н. А. Грязнова, Д. К. Морозов. Ярославль, Рыбинск. 2010. С. 70–99.

и технических культур – жернова, а также чесала, трепала и гребни для обработки льна. То есть эти орудия труда характеризуют все циклы многообразного земледельческого производства, которым занималось городское население данного обширного региона [Миролюбов, 1980, с. 6–8, 10–20].

Житие Феодосия Печерского свидетельствует о том же в Южной Руси. Во время археологических раскопок в Киеве были найдены косы-горбуши, которые использовались для сенокосения, а также серп для жатвы зерновых культур [Толочко, с. 136–137]. В городо-крепости, которая защищала русские земли на юго-западе и ранее отождествлялась в научной литературе с городом Изяславем, производились из железа многочисленные сельскохозяйственные орудия: плуги, серпы, косы, а также части орудий многообразного применения, намотыжники, оковки лопат. Город погиб в Батыево нашествие. Во время археологических исследований вокруг жилищ и хозяйственных построек были обнаружены обгоревшее зерно и жернова [Пескова, с. 68; Миролюбов, 1995, с. 37–38].

В древнерусской литературе церковного содержания словом *рабы* называли холопов. Выдающийся медиевист А. И. Неусыхин характеризовал раннесредневекового зависимого в господском хозяйстве человека, названного в латиноязычной письменности словом *servus* (букв. *раб*), вне рабства и рабовладения. Обычно он использовал для наиболее тяжелых форм эксплуатации характеристики *несвободный, холоп*, но не *раб* [Неусыхин]. О том же свидетельствует так называемый «Устав о холопах» (ст. 110–121 ППР). В соответствии с ними «обельный» (полный) холоп не считался субъектом права. Но ППР конкретизировала виды превращения свободного человека в холопы. Это добровольная самопродажа, женитьба на «робе» (холопке) и поступление на службу тиуном (управляющим господским хозяйством) без договора. Но если договор заключался, такие люди оставались свободными на службе господину. Так что у матери Феодосия существовали значительные возможности для привлечения холопов в свое хозяйство.

Слово *село* обозначало в данном контексте *пашню*⁴.

Таким образом, известие Жития о том, что Феодосий выходил из города Курска «съ рабы на село», следует понимать как сообщение о том, что он с холопами шел трудиться, взяв в господском хозяйстве орудия труда, на пригородную пашню.

К подробностям быта в господском хозяйстве относятся сведения Жития о том, что в нем человека могли связать, а ноги его заковать в оковы – *жельза*, как поступала с Феодосием его мать [Житие Феодосия Печерского, с. 358].

К организации мелкого ремесленного производства относится известие Жития о том, что Феодосий в благих целях стал печь просфоры и продавать их. Деньги, полученные от продажи, он раздавал нищим [Житие Феодосия Печерского, с. 358].

Постоянной темой подвижничества Феодосия является в Житии пренебрежение им богатыми, чистыми, «светлыми» одеждами, в которые его хотели одеть мать и «властелинь града» Курска, вероятно, посадник, а также стремление подвижника облачиться в одеяние нищих. Эти поступки Феодосия – в соответствии с евангельским заветом символическое и наглядное отрицание материального богатства на земле для обретения духовного богатства на небесах (Мф 6: 19–20). Данная тема широко распространена в европейской средневековой литературе. В Житии Феодосия она может восприниматься как клише. Но для древнерусского писателя и читателя XI–XII вв. различия в одежде имели большое социальное и политическое значение, а также конкретное содержание. Сведения об этом многочисленны в древнерусских литературных произведениях, изобразительном искусстве и археологических материалах [Арциховский; Жабрева, с. 79–122; Свердлов, 2020б, с. 528–531, 706–708].

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 47.

В соответствии с житийным повествованием Феодосий тайно ушел из дома, где мать препятствовала его стремлению к подвижничеству, и отправился в Киев, где, как он узнал, находились монастыри. Феодосий присоединился к обозу «купцов», которые туда следовали «на возѣхъ бремены тяжькы», то есть на возах с тяжелыми грузами. Расстояние между Курском и Киевом составляло 420 км по прямой или 488, 514, 508 км по трем вероятным грунтовыми дорогам. Какие были грузы, неясно: строительные материалы или сельскохозяйственные продукты. Но очевидно, что Киев, который в это время активно застраивался как крупный административно-политический, торгово-ремесленный и религиозный центр, нуждался во всех видах материального обеспечения. Только укрепленная территория Киева составляла в это время 80 га [Древняя Русь, с. 54]. Он значительно разрастался на Подоле. Так что тяжело груженные возы в составе обозов, которые направлялись в Киев на значительные расстояния, были, вероятно, нередким явлением.

Феодосий прошел этот путь в Киев пешком, лишь издали следуя за обозом. Когда его мать узнала о том, что ее непокорный сын собирается постричься там в монахи, она совершила тот же путь, вероятно, с домочадцами и на колесном транспорте [Житие Феодосия Печерского, с. 362, 364]. Так что дороги из Курска в Киев были хорошо проторенными.

Ранее был упомянут конфликт киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1068, 1069–1073 гг., с перерывом) с Киево-Печерским монастырем. Гнев князя вызвало пострижение в монахи этого монастыря без княжеского позволения его наиболее чтимого боярина, а также некоего княжеского скопца («каженикъ нѣкто»). Изяслав обратился к монаху Никону, который совершил это пострижение, с угрозой заточить его с другими монахами, а их пещеру уничтожить («и пещеру вашу раскопаю») [Житие Феодосия Печерского, с. 370–372].

Княжеская власть на Руси постоянно утверждала свое верховенство над Церковью. На аверсе златников и сребреников Владимира I типа, которые были чеканены вскоре после женитьбы князя на византийской принцессе Анне и введения христианства в качестве государственной религии, изображен Владимир Святославич со своим геральдическим трезубцем у левого плеча. На их реверсе – Христос Пантократор, подобный его изображениям на византийских монетах того времени, как утверждение принадлежности Русской митрополии к Константинопольскому патриархату. Но на сребрениках Владимира II–IV типов, чеканенных после значительного перерыва, изображение Христа Пантократора заменил княжеский трезубец [Янин, 1956, с. 168–169; Сотникова, с. 192; Янин, 1998]. Эта замена, вероятно, должна была утверждать принцип разделения властей и верховенство светской власти над церковной в условиях вхождения Русской митрополии в состав Константинопольского патриархата. О том же свидетельствовало избрание в 1051 г. митрополитом Илариона епископами митрополии без санкции патриарха Константинопольского, но по решению Ярослава Мудрого. До этого поставления Иларион являлся «просвитером» церкви Апостолов (апостолов Петра и Павла, или всех Апостолов) в княжеском селе Берестове под Киевом и духовником Ярослава [Щапов, с. 140–141, 150].

Таким образом, угроза Изяслава Ярославича Печерскому монастырю являлась лишь одним из проявлений верховенства княжеской власти по отношению к церковной. Другим проявлением княжеской воли по отношению к церковной жизни стало назначение Изяславом Ярославичем игумена этого монастыря Варлаама, сына боярина Иоанна, «княземъ повелѣниемъ» игуменом в Дмитриевский монастырь, построенный этим князем в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Печерского монастыря [Житие Феодосия Печерского, с. 376, 378, 533].

Повседневная жизнь Киево-Печерского монастыря, его хозяйственная и социальная структура – особая научная проблема. Но к мирским темам его бытия можно отнести также

сведения Жития о его обустройстве как социальном комплексе. Вспоминая о недавней строительной деятельности Феодосия в качестве игумена Киево-Печерского монастыря, Нестор написал о строительстве в нем Успенской церкви и келий, куда переселились монахи из пещеры, где они ранее обитали, и об ограждении монастыря стеной с воротами в 1062 г. [Житие Феодосия Печерского, с. 378].

Такая защита была необходима не только от внешних угроз, но также для утверждения монастыря как самостоятельного субъекта в государстве. Историко-архитектурные исследования ворот монастыря свидетельствуют о том, что сохранившаяся их часть была построена, вероятно, в начале XII в. Позднее они были перестроены в торжественную арку. Вместе с тем, по наблюдениям П. А. Раппопорта, при строительстве ворот учитывался военный фактор. Вблизи ворот стена монастыря совершала поворот, что позволяло простреливать подход к ним с ее ближайшей к воротам части [Раппорт, с. 126]. Вероятно, такой профиль стены по отношению к воротам существовал уже при первом ее строительстве игуменом Феодосием.

Таким образом, выявление и раскрытие конкретного содержания мирских реалий в Житии Феодосия Печерского позволяют расширить и углубить понимание многих смыслов бытия человека на Руси второй половины XI в. Эти реалии относятся к обстоятельствам его службы и бытия его семьи в системе княжеского государственного управления. Они раскрывают подробности права наследования в такой семье, социально-экономического содержания ее хозяйства, положения в нем подневольных людей, свободных и зависимых. Конкретны сведения о символизме и социальной функции одеяний, о многообразии отношений княжеской власти с Церковью, о некоторых мирских реалиях монастырской жизни, а также об организации мелкого товарного производства. Такие реалии раскрывают положение человека на Руси второй половины XI в. более многомерно и конкретно.

Литература

- Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003. С. 173–277.
- Арциховский А. В. Одежда // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. Материальная культура. С. 234–262.
- Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. 431 с.
- Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. СПб., 2016. 480 с.
- Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 352–433, 535–456.
- История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. Материальная культура. 483 с.; М.; Л., 1951. Т. 2. Общественный строй и духовная культура. 546 с.
- Конявская Е. Л. «Распорядок дня» наших предков по ранним письменным источникам // «Повесть временных лет»: К 900-летию создания. СПб., 2018. С. 102–108.
- Миролюбов М. А. Сельскохозяйственные орудия Новгородской земли VIII–XIV вв. АКД. Л., 1980. 24 с.
- Миролюбов М. А. Кузнечные изделия древнего Изяслава из собрания Государственного Эрмитажа // У истоков русской культуры XI–XVII века. СПб., 1995. С. 33–40.
- Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII–XII вв. М., 1964. 333 с.
- Пескова А. А. Древний Изяславль // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. Вып. 164. С. 66–73.
- Раппорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 5). 244 с.
- Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. 343 с.
- Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. 488 с.

- Свердлов М. Б. Историческое исследование и историческая антропология (к характеристике нового метода изучения истории средневековой России) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 177–188. [Свердлов, 2020а]
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII века. СПб., 2020. 1039 с. [Свердлов, 2020б]
- Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв.: Каталог и исследование. Л., 1983. 318 с.
- Творогов О. В. Нестор // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 274–278.
- Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. 408 с.
- Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 42–43.
- Щапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. 231 с.
- Янин В. А. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. 207 с.
- Янин В. А. Княжеские печати X – начала XII в. // Янин В. А., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 13–26.

References

- Artamonov, Yu. A. Zhitie Feodosiya Pecherskogo: Problemy istochnikovedeniya [The Life of Theodosius Pechersky: Problems of Source Studies]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2000 g.* Moscow, 2003. Pp. 173–277.
- Artsikhovskii, A. V. Odezhda [Clothes]. In *Istoriya kul'tury Drevnei Rusi. Domongol'skii period.* Moscow; Leningrad, 1948. Vol. 1. Material'naya kul'tura. Pp. 234–262.
- Drevnyaya Rus': Gorod, zamok, selo [Old Rus: Town, Castle, Village]. Moscow, 1985. 431 p.
- Istoriya kul'tury Drevnei Rusi. Domongol'skii period [The History of Culture of Old Rus. The Pre-Mongol Period]. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. 1. Material'naya kul'tura. 483 p.; Moscow; Leningrad, 1951. Vol. 2. Obshchestvennyi stroi i dukhovnaya kul'tura. 546 p.
- Konyavskaya, E. L. "Rasporyadok dnya" nashikh predkov po rannim pis'mennym istochnikam ["Daily Routine" of Our Ancestors according to Early Written Sources]. In *"Povest' vremennykh let": K 900-letiyu sozdaniya.* Saint Petersburg, 2018. Pp. 102–108.
- Mirolubov, M. A. Sel'skokhozyaistvennye orudiya Novgorodskoi zemli VIII–XIV vv. [Agricultural Implements of the Novgorod Land in the 8th – 14th Centuries]. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Leningrad, 1980. 24 p.
- Mirolubov, M. A. Kuznechnye izdeliya drevnego Izyaslavl'ya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Blacksmith's Goods of Old Izjaslavl from the Collection of the State Hermitage Museum]. In *U istokov russkoi kul'tury XI–XVII veka.* Saint Petersburg, 1995. Pp. 33–40.
- Neusykhin, A. I. Sud'by svobodnogo krest'yanstva v Germanii VIII–XII vv. [Fortunes of Free Peasantry in Germany in 8th – 12th Centuries]. Moscow, 1964. 333 p.
- Peskova, A. A. Drevnii Izyaslavl' [Old Izjaslavl]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR.* 1981. Issue 164. Pp. 66–73.
- Rappoport, P. A. Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva X–XIII vv. [Essays on the History of Russian Military Architecture in the 10th – 13th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1956. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 5). 244 p.
- Romanov, B. A. Lyudi i nrawy Drevnei Rusi [People and Manners of Old Rus]. Leningrad, 1947. 343 p.
- Shart'e, R. Odnа chetvert' svobody, tri chetverti determinizma [A Quarter of Freedom and Three Quarters of Determinism]. In *Spory o glavnom. Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoi nauki vokrug frantsuzskoi shkoly "Annalov".* Moscow, 1993. Pp. 42–43.
- Shchapov, Ya. N. Gosudarstvo i Tserkov' Drevnei Rusi X–XIII vv. [State and Church of Old Rus in the 10th – 13th Centuries]. Moscow, 1989. 231 p.
- Sotnikova, M. P. Drevneishie russkie monety X–XI vv.: Katalog i issledovanie [Oldest Russian Coins in the 10th – 11th Centuries: Catalog and Research]. Leningrad, 1983. 318 p.
- Sverdlov, M. B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnei Rusi IX–XIII vv. Germaniya. "Pravda Russkaya". Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Latin Sources about Old Russian History in 9th – 13th Centuries. "Pravda Russkaja". History of the Text. Selected Articles]. Saint Petersburg, 2017. 488 p.

- Sverdlov, M. B. Istoricheskoe issledovanie i istoricheskaya antropologiya (k kharakteristike novogo metoda izucheniya istorii srednevekovoi Rossii) [Historical Study and Historical Anthropology (About New Method of Investigation of the Medieval Russian History)]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2020. No. 2. Pp. 177–188. [Sverdlov, 2020a]
- Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII veka [Rus before Mongols' Invasion: Prince and Prince's Power in Rus in the 6th – the First Third of 13th Century]. Saint Petersburg, 2020. 1039 p. [Sverdlov, 2020b]
- Tolochko, P. P. Drevnii Kiev [Old Kiev]. Kiev, 1983. 408 p.
- Tvorogov, O. V. Nestor [Nestor]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Issue 1. Pp. 274–278.
- Yanin, V. L. Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ya: Domongol'skii period [Monetary and Weight Systems of the Russian Middle Ages: The Pre-Mongol Period]. Moscow, 1956. 207 p.
- Yanin, V. L. Knyazheskie pečati X – nachala XII v. [Prince's Seals in the 10th – Early 12th Century]. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. *Aktovye pečati drevnei Rusi X–XV vv.* Moscow, 1998. Vol. 3. Pečati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. Pp. 13–26.
- Zhabreva, A. E. Pis'mennye i izobrazitel'nye istochniki po istorii russkogo kostyuma XI–XVII vekov [Written and Fine Arts' Sources on the History of Russian Dress in the 11th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, 2016. 480 p.
- Zhitie Feodosiya Pecherskogo [The Life of Theodosius Pechersky]. Text preparation, translation and comments by O. V. Tvorogov. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1997. Vol. 1. Pp. 352–433, 535–456.

Mikhail B. Sverdlov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

SECULAR REALITIES IN THE LIFE OF THEODOSIUS PECHERSKY

The article analyzes information about Old Russian secular realities of the middle to the second half of the 11th century in the Life of Theodosius Pechersky that have not been studied earlier. The article considers real conditions of transfer of the prince's service man to another town according to the prince's order. It considers the economic, social and legal status of this service man and his wife in this case. It studies information of the Life about southern Russian towns in their economic, religious, ideological and martial strategic unity and connections of town's population with agriculture. The article considers information about organization of small handicraft production, about symbolism of clothes, about supremacy of secular authority over the church one, about symbolic importance of monastic fortifications.

Keywords: Old Rus, princes, princely power, towns, townsmen, agriculture, symbolism, monastic fortifications, the Life of Theodosius Pechersky